

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии**

Книга 35

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии: Книга 35 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 81 с.

ISBN 978-5-517-93171-9

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1903 года

ISBN 978-5-517-93171-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

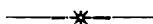
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

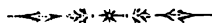
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Обь одномъ барельефѣ Феодосійскаго музея <i>Л. П. Колли</i>	Стр. 1
II. О судьбѣ нѣкоторыхъ историческихъ зданій въ Старомъ Крыму п Феодосіи. <i>Виз-же</i>	10
III. Къ исторіи Кубанскаго войска. Документы Кубанскаго войсковаго архива, касающіеся дѣятельности правителя Таврической области Жегулина. Съ предисловіемъ <i>И. П. Короленко</i>	18
IV. Правители Тавриды. <i>В. П. Ласковскаго</i>	24
V. Памяти Алексѣя Ивановича Маркевича. <i>Арсе- нія Маркевича</i>	27
VI. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммисіи за 1902-ой годъ	31
VII. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммисіи:	
а) 10-го февраля 1903 года	41
б) 23-го мая 1903 года (съ краткимъ сообще- ніемъ А. И. Маркевича о дѣятельности Е. Л. Маркова въ Крыму)	44
в) 5-го сентября 1903 года (съ сообще- ніемъ А. И. Маркевича обь остаткахъ древ- ности въ д. Аталыкъ-Эли Симферопольскаго уѣзда)	55
г) 17-го ноября 1903 года	60

ОБЪ ОДНОМЪ БАРЕЛЬЕФЪ ΘЕОДОСІЙСКАГО МУЗЕЯ.

Барельефъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, находится въ Θεодосійскомъ музеѣ древностей,halbvo отъ входа въ него, и состоитъ; вмѣстѣ съ карнизомъ, изъ 4-угольнаго песчаной породы камня въ 1,21 м. длины и 1,16 м. высоты. На немъ изображена фигура человѣка, ѣдущаго на конѣ. Камень до того поврежденъ, что лицо человѣка изглажено, и очертанія фигуръ всадника и коня едва выступаютъ на полъ-сантиметра отъ фона. Голова всадника окружена ореоломъ, правая рука приподнята, будто держитъ мечъ, копье или знамя; позади плечъ всадника развѣвается что-то въ родѣ мантии или штандарта, а лошадь скачетъ, готовая стать на дыбы.

Въ указателѣ Θεодосійскаго музея (изданіе II-e)¹⁾ на стр. 13-й, въ отдѣлѣ Греко-Византійскихъ памятниковъ, подъ № 5, сказано: „Каменный барельефъ, изображающій Св. Великомученика Θεодора Тирона, ѣдущаго верхомъ вправо. Судя по карнизу, изображеніе было вдѣлано въ городскую или церковную стѣну“.

Объ этомъ-же барельефѣ въ изданіи III указателя,²⁾ на стр. 73-й, подъ № 5, и въ изданіи IV,³⁾ на стр. 15-й, подъ № 5, въ отдѣлѣ Греко-Византійскихъ памятниковъ, читаемъ: „Каменное изваяніе, изображающее Св. Великомученика Димитрія Солунскаго, ѣдущаго на конѣ вправо. Судя по старинному карнизу, изображеніе было вдѣлано въ городскую или церковную стѣну. Найдено въ Θεодосіа“.

И такъ, два хранителя Θεодосійскаго музея находили въ одномъ и томъ-же образѣ лики двухъ совершенно различныхъ святыхъ великомучениковъ; они согласны только въ одномъ—въ опредѣленіи эпохи происхожденія памятника, помѣстивъ его въ греко-византійскомъ отдѣлѣ музея.

¹⁾ Г. Θεодосія, типографія Армянской семинаріи. 1874 г.

²⁾ Г. Одесса, типографія Алексомати. 1880 г.

³⁾ Г. Θεодосія, типографія Косенко. 1891 г.

Для болѣе точнаго опредѣленія дѣйствительнаго характера данного барельефа необходимо, по нашему мнѣнію, нѣсколько помлужбе вникнуть въ духъ и пріемы, искони начертанныя греко-византійскою иконографіею; намъ легче будетъ тогда указать какъ значеніе, такъ и время этого скульптурнаго произведенія.

Греко-византійская иконографія, какъ извѣстно, для изображенія ликовъ Спасителя, Пресвятой Богородицы и святыхъ, со времени первыхъ вѣковъ христіанства, весьма точно и неотмѣнно соблюдаетъ все одни и тѣ-же пріемы, принятые и утвержденныя соборами VІІІ и ІХ столѣтій, на основаніи указаній Св. Отцовъ восточной церкви.¹⁾ Съ того времени отступать отъ этихъ пріемовъ не вправѣ ни одинъ византійскій иконописецъ. Выраженіе лица святого, поза, одежда, отличительныя атрибуты точно указаны художнику, и не допускается никакого произвола, какой, напримѣръ, встрѣчаемъ въ иконописи западно-латинской церкви.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, византійскій иконописецъ обязанъ изобразить напр. Святого Великомученика Феодора Тирона не иначе, какъ въ видѣ *столицо* воина, съ копьемъ въ правой рукѣ и опирающагося лѣвою рукою на щитъ, ибо Св. Феодоръ Тиронъ—тотъ самый доблестный римскій воинъ, который въ городѣ Амассіи поджегъ храмъ богини Кибелы и, мужественно прославляя вѣру Христову, умеръ мученическою смертію на кострѣ въ 307 году нашей эры²⁾. Скульпторъ, если только онъ былъ византійцемъ, желая здѣсь изобразить Св. Феодора Тирона, никоимъ образомъ не могъ и не былъ въ правѣ извѣщать его верхомъ на конѣ. Слѣдовательно, нашъ барельефъ изображаетъ совершенно другаго святого.

Что касается до изображенія Св. Великомученика Дмитрія Солунскаго, то хотя и извѣстны изображенія этого святого въ видѣ всадника на конѣ, но преимущественно изображается онъ также въ видѣ *столицо* воина. Правда, на нашемъ барельефѣ святой изображенъ, какъ и Св. Дмитрій Солунскій, съ приподнятой къверху правою рукою и лѣвою опущенною до пояса; но обычно при этомъ Св.

¹⁾ Второй Никейскій соборъ 787 года.— Четвертый Константинопольскій соборъ 869 года.

²⁾ M. N. Bouillet. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie.— S. Théodore.

Димитрій Солунскій изображается воиномъ стоящимъ, въ кольчугѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и со щитомъ и мечемъ въ лѣвой. У нашего-же всадника нѣтъ ни одного изъ этихъ отличительныхъ атрибутовъ. Приходится, значитъ, полагать, что цѣлью ваятеля барельефа не могло быть изображеніе ни Святого Θεодора Тирона, ни Святого Димитрія Солунскаго.

Но, отрицая изображенія на барельефѣ того и другого изъ этихъ двухъ воиновъ—великомучениковъ, мы рѣшаемся, на основаніи другихъ данныхъ, отрицать и греко-византійское происхожденіе этого памятника. Не станемъ здѣсь слишкомъ распространяться относительно деталей греко-византійской иконографіи; позволимъ собѣ только обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

Икона Θεодосійскаго музея названа въ указателѣ произведеніемъ греко-византійскаго періода, что придаетъ ей великую цѣну, какъ рѣдкой, чтобы не сказать единственной иконѣ—барельефу восточной церкви времени, предшествовавшихъ по крайней мѣрѣ IX-му столѣтію. Подобный взглядъ представляется весьма рискованнымъ, сомнительнымъ, чтобы не сказать совершенно невозможнымъ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства, когда византійцы изображали на стѣнахъ своихъ храмовъ эмблемы своей вѣры, они, для изображенія фигуръ святыхъ, избѣгали рѣзца, находя въ этомъ подражаніе обычаю древнихъ язычниковъ, грековъ и римлянъ, украшать свои храмы статуями боговъ и богинь Олимпа или героевъ античной мѣлологіи. Если въ нѣкоторыхъ византійскихъ христіанскихъ церквахъ и встрѣчались изваянія святыхъ, то эти произведенія искусства были все, отъ VI-го до IX-го вѣка, уничтожены иконокластами, дѣйствовавшими согласно частымъ декретамъ императоровъ-тонителей такого рода образовъ¹⁾. Съ другой стороны, извѣстно намъ, какое сильное вліяніе имѣла въ этой эпохѣ Византія на вѣру христіанскую въ Тавридѣ²⁾; а потому возможно и рѣшительно предполагать, что таврическіе христіане строго придерживались указаніямъ патріарховъ—верховныхъ руководителей восточной церкви, а также и своихъ ближайшихъ мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ. Они, по всей вѣроятности, послѣдовавши примѣру византійскихъ грековъ, уничтожали изваянные иконы, укра-

¹⁾ Брокгаусъ и Ефронъ.—Т. VI, стр. 273—275. П. Ф. Витклеръ.

²⁾ Прокофій, Исторія.—Michel Le Quien, Oriens christianaus. 1740.

павшія ихъ храмы. По нашему мнѣнію, это обстоятельство служитъ одной изъ главныхъ причинъ, почему во всѣхъ древнихъ христіанскихъ храмахъ въ Тавридѣ не встрѣчалось до сихъ поръ никакихъ иконъ-барельефовъ, кромѣ крестовъ, узоровъ и т. п. Вообще восточная церковь всегда неблагоклонно смотрѣла на статуи и круглыя, выпуклыя фигуры, и Никейскій соборъ въ 787 году совершенно изгналъ ихъ изъ храмовъ христіанскихъ.

Такимъ образомъ, ваяніе въ византійскомъ мірѣ находилось въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ; область эта, замкнутая въ рамкахъ орнаментации, осталась достояніемъ одного водчества. Не касаясь вовсе изображенія ликовъ Спасителя, Пресвятой Богородицы и святыхъ, скульптура творитъ одни капители, пилястры, карнизы, саркофаги, гдѣ чаще всего встрѣчается лишь эмблема искупленія и спасенія—крестъ, вмѣстѣ съ другими сплетенными орнаментами, гирляндами, арабесками и т. п. Для изображенія своихъ святыхъ христіане-византійцы сохранили живопись, изготовленіе посредствомъ красокъ иконъ на деревѣ, на полотнѣ или на штукатуркѣ въ видѣ фресокъ, каковыхъ множество можно встрѣтить въ древнихъ и новыхъ греческихъ и русскихъ православныхъ церквахъ.

Другимъ родомъ украшенія византійскихъ церквей служила мозаика, которою, напримѣръ, въ VI столѣтіи Императоръ Юстиніанъ покрылъ всѣ стѣны и купола знаменитаго храма Св. Софіи.

И такъ, въ византійскихъ церквахъ съ IX столѣтія не встрѣчается никакихъ статуй, никакихъ го—и барельефовъ, содержащихъ лики святыхъ; вездѣ лишь гладкія фрески, иконы.

Взгляните-же въ христіанскія базилики западной, латинской церкви, Италіи въ особенности. Тутъ на каждомъ шагѣ при живописи и мозаикѣ встрѣтите ваяніе во всѣхъ его примѣненіяхъ. Не только карнизы, пилястры, колонны, съ ихъ базами и капителями, не только алтари и саркофаги во всѣхъ стиляхъ, но вы найдете го—и барельефы, статуи святыхъ, ангеловъ, пророковъ и мадоннъ и даже изваянныя фигуры папъ, кардиналовъ, епископовъ, королей и вельможъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, составляя себѣ ясное представленіе о характерѣ византійскихъ изображеній святыхъ въ сравненіи съ западными, намъ не трудно убѣдить-

ся въ невозможности присутствія такого произведенія ваянiя, какъ нашъ барельефъ, въ греко-византийскомъ храмѣ. Въ такомъ случаѣ не естественнѣе-ли будетъ предположить, что барельефъ Θεοδοσίησκαго музея не что иное, какъ произведеніе времени пребыванія Генуэзцевъ-латыннѣвъ въ Каф-фѣ? Приписывая барельефъ Генуэзцамъ, мы сразу ощущаемъ подъ собою твердую почву въ нашемъ изслѣдованіи и можемъ дать вѣрное опредѣленіе характера этого скульптурнаго произведенія.

Изображеніе всадника на нашемъ камнѣ есть ликъ святого, обычно представляемаго на конѣ, Святого Георгія Побѣдоносца. Ликъ этого святого, съ начала XIV столѣтія, принятъ былъ Генуэзцами какъ гербъ Республики и сталъ замѣнять „ворота“ (janna, Genova). Щитъ Генуи—червонный крестъ на бѣломъ полѣ. Какъ извѣстно, одинъ изъ отличительныхъ атрибутовъ Св. Георгія—бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ. Знамя (или хоругвь) Св. Георгія повсюду въ Генуѣ развивалось на общественныхъ зданіяхъ и на высокихъ мачтахъ военныхъ и коммерческихъ галеръ гордыхъ и предприимчивыхъ генуэзцевъ. На печати съ гербомъ знаменитаго генуэзскаго Банка изображена также фигура святого воина, т. е. соединеніе въ одномъ гербѣ гербовъ Генуэзской общины и Банка. Подобно Венеціанцамъ, принявшимъ Св. Марка своимъ патрономъ, Генуэзцы называли Святого Георгія *своимъ* святымъ, и въ ихъ Statutum Caphae 1449 года встрѣчается выраженіе: „Sanctus Georgius vexillifer jenuensis“¹⁾.

Что ликъ Св. Георгія служилъ гербомъ у Генуэзцевъ, свидѣтельствуемъ весьма интересный трудъ глубоко-просвѣщеннаго нынѣшняго архиваріуса города Генуи, г. Анжело Боскасси²⁾. Въ своей монографіи о гербѣ метрополіи Каффы Боскасси говоритъ, что „въ эпоху учрежденія высшей должности дожа Генуэзской республики (1339 г.) и во время развитія славы и могущества ея имени въ далекихъ земляхъ Востока (colla prudenza et l'audacia dei suoi cittadini avea portata la fama et la potenza del suo nome nelle lontane terre d'Oriente), правители позаботились объ украшеніи общественныхъ зданій гербомъ Общины, именно: щитомъ съ

¹⁾ Atti della Società Ligurica. Genova, 1879.—Statutum Caphae, cap. XXVII. art. 196.

²⁾ Angelo Boscassi. Lo stemma della città di Genova. Bari. 1900.

краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ, или изображеніемъ Св. Георгія, или пасхальнаго Агнца съ крестоносною хоругвию (*i governanti curavano diligentemente di contrassegnare ogni edificio pubblico dell'arma del Comune, voliam dire: lo scudo con croce rossa in campo bianco, o San Giorgio, o l'Agnello pasquale col vessillo crociato*). Двѣ плиты, до сихъ поръ сохранившіяся на лѣстницѣ судебной палаты въ Генуѣ, напоминаютъ объ этомъ времени (1339—1407 г.), т. е. о союзѣ, слияніи, такъ сказать, государства (*del'alleanza del Stato*), изображеннаго крестоноснымъ знаменомъ, съ учрежденіемъ (*Ufficio*) Св. Георгія, изображеннымъ фигурую этого святого воина (*dalla figura di questo santo guerriero*)⁴.

Въ Кафѣ имя Св. Георгія почиталось и праздновалось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (23-го), и, для большей торжественности этого дня, изъ казны отпускалось латинскому епископу восемьдесятъ аспровъ для изготовленія четырехъ большихъ костровъ (*brandoni*).

Въ Θεодосійскомъ музеѣ, кромѣ лика Св. Георгія, гербъ города Генуи также изображенъ на каменномъ обломкѣ въ видѣ пасхальнаго Агнца. Въ саду дворца въ г. Павловскѣ находится привезенная туда вмѣстѣ съ другими изъ Кефы въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія плита съ подобнымъ же изображеніемъ¹⁾. Нѣкоторыя каффинскія монеты имѣютъ также фигуру Св. Георгія, ѣдущаго на конѣ²⁾.

Все въ рисункѣ рельефа Θεодосійскаго музея: поза святого, направленіе обѣихъ рукъ всадника, держащихъ *vexillum*—знамя побѣды, самое знамя, развѣвающееся позади плечъ и головы святого, конь, приподнявшій переднія копыта; будто становясь на дыбы, пространство въ нижнемъ лѣвомъ углу камня, гдѣ, по всей вѣроятности, выступала нынѣ отломанная фигура чудовища—дракона, простыя прямыя линіи карниза, совершенно сходнаго съ карнизами другихъ стоящихъ тутъ-же рядомъ въ музеѣ генуэзскихъ плитъ, песчаная порода камня,—все эти детали указываютъ и на несомнѣнность изображенія здѣсь Св. Георгія и на генуэзское происхожденіе нашего памятника.

Мы, между прочимъ, только что указали на породу камня. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзецъ грека, изваявая стѣлу, сарко-

¹⁾ Записки Имп. Одесскаго Общества Ист. и др. Т. VII. В. Юргевичъ. 1868 г.

²⁾ О. Ф. Ретовскій. Генуэзско-татарскія монеты города Каффы 1897 г.

фагъ, капитель, если возможно, прикасается по преимуществу къ мрамору. Не таковы приемы скульптора-генуэзца въ Тавридѣ. Вездѣ, гдѣ онъ намѣревается оставить по себѣ память, свой гербъ или надпись о какомъ-нибудь сооруженіи или событіи,—онъ беретъ плиту, тутъ-же лежащую, извлекаетъ ее изъ ближайшей горы,—известнякъ ли это или песчаникъ. Взгляните на генуэзскія надписи въ Цимбалло, Сольдаѣ или Кафѣ. Очень рѣдко встрѣчается кусокъ мрамора, только не италіанскаго, не каррарскаго. Остальныя плиты всѣ изъ известняка или песчаника. Когда хочешь прочесть на камнѣ генуэзскую надпись, невольно испытываешь чувство глубокой досады:

„Tempore regiminis magnifici consulis.....“. Камень настолько пострадалъ отъ времени, отъ стихій и отъ людей—для подобныхъ памятниковъ еще худшей стихіи,—что только съ величайшимъ трудомъ можно разобрать нѣсколько словъ. Камень во многихъ мѣстахъ такъ выѣденъ, излизанъ дождемъ и вѣтромъ, что невольно является мысль: неужели генуэзцы, италіанцы, народъ въ средніе вѣка передовой, такъ легкомысленно относились къ выбору свойствъ камня, на которомъ предполагали передать потомству память о своихъ подвигахъ?

Но вернемся къ нашей иконѣ. Въ указателѣ музея сказано: „Судя по карнизу, изображеніе было вдѣлано въ городскую или церковную стѣну“.

Выше мы уже изложили причины, по которымъ греко-византійцы не могли помѣстить въ своей церкви изваянный образъ какого бы то ни было святаго; только западные Генуэзцы-латинцы могли украсить свой костелъ этимъ священнымъ барельефомъ. Но, вѣдь, въ Кафѣ генуэзцы не имѣли костела Св. Георгія. Уже въ началѣ XIV-го столѣтія армяне-грегоріане имѣли здѣсь свою церковь или монастырь Св. Георгія на западѣ, подъ горою, *extra muros*. Эта церковь существуетъ до сихъ поръ, и если бы нашъ барельефъ былъ армянскимъ, онъ стоялъ бы навѣрно до нынѣ вдѣланнымъ въ стѣнѣ этой-же или иной армянской церкви въ *Θεοδοσία*, ибо армяне всюду очень дорожили и дорожатъ своимъ историческими памятниками, особенно церковными. Они, подобно грекамъ, избѣгали изваяній святыхъ иконъ. Во всякомъ случаѣ не существуетъ никакого указанія, чтобы каменный образъ Св. Георгія украшалъ когда-нибудь церковь или костелъ въ г. Кафѣ.

Другое дѣло, когда идетъ рѣчь объ изображеніи святого всадника въ городской защитной стѣнѣ. По историческимъ даннымъ о развалинахъ мощной Каффы мы въ состояніи теперь, почти безъ всякаго сомнѣнія, опредѣлить мѣсто нахожденія въ городской стѣнѣ каменнаго лика „San Giorgio vessillifero genovese“.

Какъ извѣстно, генуэзскія защитныя укрѣпленія Каффы высокою каменною каймою охватывали почти все пространство, занятое въ настоящее время городомъ Θεοδοσιεί. Безпрерывная лента высокихъ стѣнъ съ многочисленными башнями, пробитая въ пяти только мѣстахъ воротами, тянулась вдоль морского берега отъ карантина до башни Св. Константина, возлѣ теперешняго городского дома. Оттуда, дѣлая крутой поворотъ на югъ и поднявшись вдоль глубокаго рва за казармами инженернаго вѣдомства къ музею древностей, стѣна огибала по карантинной слободкѣ съ юго-восточной стороны весь городъ до башни папы Климента VI въ цитадели и достигала опять въ карантинѣ морского берега. Главнымъ входомъ въ городъ со стороны суши служили широкія ворота подъ высокою зубчатою башнею, съ бойницами и каменнымъ мостомъ черезъ ровъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ идетъ улица отъ Назаревского сквера между новымъ городскимъ домомъ и женскою гимназіею къ фонтану Айвазовскаго и бульвару. Тамъ до сихъ поръ можно видѣть и ровъ и уцѣлѣвшій генуэзскій мостъ. Этотъ мостъ и стѣна вдоль рва отъ башни Св. Константина до казармъ, согласно хранившейся въ Θεοδοσιείскомъ музеѣ надписи, были украшены и отремонтированы на счетъ каффскаго судьи *Гаспаро*, при консульствѣ *Calogero de Ghizulfi*, въ 1467 г., т. е. за 8 лѣтъ до паденія Каффы.

По свидѣтельству бывшаго настоятеля армяно-католической Карасубазарской церкви и декана католическихъ приходовъ въ Тавридѣ, путешествовавшаго по Крыму и оставившаго обширную реляцію о всемъ имъ видѣнномъ въ началѣ XIX столѣтія, патера Минаса Медици¹⁾, башню эту съ воротами называли мусульмане-татары и турки „*атлыкюле, атлы-капу*“, т. е. „*la tour, la porte du cavalier*“— „*башнею, воротами всадника*“,— „потому что, говорить Медици, высоко надъ воротами виднѣтся камень съ изображеніемъ человѣка на конѣ“. Это и есть нашъ барельефъ.

¹⁾ Путешествіе въ Тавридѣ. Венеція 1830 г., на армянскомъ языкѣ.